

О.В. Егорова

Внебрачный ребенок в чувашской общине: морально-нравственный аспект*

В современной отечественной историографии тема незаконнорожденных детей разработана недостаточно. В исследованиях по этнографии, педагогике и другим наукам она практически не освещается, в лучшем случае ее касаются лишь поверхностно, не вдаваясь в сущность и особенности, связанные с морально-этической стороной данной проблемы. Именно мораль и нормы поведения, существовавшие в традиционном чувашском обществе, определяли традиции, обычаи и систему взаимоотношений людей в ситуациях, связанных с рождением и воспитанием внебрачных детей.

В традиционной культуре чувашей особое значение придавалось всему, что связано с продолжением рода и преемственностью поколений. Однако существовала и обратная сторона: нежелательные беременности, аборты, детоубийства и т.д.

Трудным было положение женщины, если случалась внебрачная беременность. Ей не только не облегчали работу, но и заставляли трудиться больше, постоянно ругая и укоряя за беременность, поскольку это было большим позором для рода и семьи. В таких случаях говорили: «йат сѣрет» (имя гниет), «ашшѣ-амӓшне пӓх сѣрне» (имя матери и отца измазала фекалиями) [А]**.

Случаи искусственного прерывания беременности были редкими и рассматривались окружающими как нарушение морально-нравственных норм. Есть сведения, что женщины, не желавшие иметь детей, собирали в лесу особые травы [1, с. 281], обладающие противозачаточными свойствами. Однако не только употребление, но и сбор этой, по народным представлениям, убивающей ребенка травы осуждали и считали грехом. «Не мать, а змея та, которая позволяет себе пить коренья или порох, или хину, чтобы выжить ребенка», – считали чуваша [2, с. 31].

Выкидыш производили различными способами: принимая яд, умерщвляющий плод; выполняя тяжелые работы [3, л. 107], используя кобылье молоко [4, л. 38], а также с помощью специальных приёмов. Одним из самых популярных методов было установление горшка на живот беременной. Иногда выкидыш производили надавливанием на живот колодкой для лаптей [В]. Фантазия женщин доходила до крайности: клали корни просвирника («кушак пӓрси тымаре») [В] или кусок резины из галош, наливали марганцовую

воду [С] в матку, спицу завязывали между ногами [D]. Информатор из д. Кошки-Шемяково Буинского района Республики Татарстан вспоминала, как на живот наклеила горчичников, выпила подслащенную воду и затем, сев в ванну, начала париться. К счастью, все обошлось, выкидыш не удался [D]. О неудачных попытках выкидыша говорили: «пӓр кени тухмаст» («что вошло, то не выйдет» [5, л. 177]).

Многие женщины производили выкидыши самостоятельно. В результате самопроизвольных абортов у женщин могли начаться кровотечения. Были случаи, когда такие действия завершались летальным исходом. Если зародыш уже принял человеческие формы, то его хоронили на кладбище или около ограды; если же нет, то клали в лапоты и зарывали где-нибудь в землю или защемляли в плетень. Нередко выкидыши происходили в результате побоев мужа [1, т. 2, с. 167].

Практически в каждой деревне было несколько женщин, производящих выкидыши. В.И. Михайлов в своей работе «Обряды и обычаи чуваш» приводит имена таких женщин по Цивильскому уезду, Тюрляминскому и Аттиковскому приходам. Чаще всего одна и та же женщина и принимала роды, и производила выкидыши. В первом случае её называли *ача тударакан*, *пабка* (повитуха) [6, с. 12–13], а во втором – *вар пусакан уста/вар пӓсакан йста* (мастерица портить живот) [1, т. 5, с. 170]. За выполненную работу бабки брали деньги, а чаще им платили натурой – отдавали лучшую женскую рубашку, целый кусок холста и т.п.

Известный российский социолог, психолог и сексолог И.С. Кон отметил, что хотя «теоретически советская власть с самого начала была настроена про-наталистически, в пользу высокой рождаемости, и делала все возможное для охраны жизни и здоровья матери и ребенка, в 1920 г. она первой в Европе узаконила искусственные аборты. В обстановке экономической разрухи реальный выбор был не между абортom и сохранением высокого уровня рождаемости, а между легальным и относительно безопасным и нелегальным и потому крайне опасным абортom» [7, с. 175–176]. В ноябре 1924 г. во всех уездных городах и Чебоксарах была образована абортная комиссия [8, л. 257]. В Чебоксарах демонстрировался фильм «Аборт» (Госкино), имевший громадный успех. Демонстрации фильма предшествовали лекции врачей. В Цивильске организовали санитарный суд над проституткой, производившей себе аборт. Лекции,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект №07-01-22102 а/В

** См. список информаторов в конце статьи.

санитарные суды собирали огромные аудитории [8, л. 256].

Были случаи, когда женщины рожали втайне, а потом избавлялись от детей: оставляли в лесу, топили в колодцах или в речке, убивали и хоронили тайком рядом с кладбищем. Чувашки считали, что брошенные дети превращались в лешего (арсури). Информатор языковед Н.И. Ашмарина пишет, что второпях девушки оставляли ребенка, «не бросив на него ни одной поршинки земли». Душа ребенка уходила в лес и превращалась в лешего, поскольку его не похоронили и не отпели как положено [1, т. 1, с. 309]. Информант из Моргаушского района Чувашской Республики вспоминала случаи, когда девушка втайне родила и закопала ребенка в овраге, и говорили, что в полночь слышится на этом месте детский плач [Е].

Не только родители, но и молодые люди бывало высмеивали таких женщин. Из-за плохого отношения со стороны окружающих нередко беременная женщина кончала жизнь самоубийством [9, л. 42]. Так, например, в с. Первостепаново Цивильского уезда был случай, когда девушка Укахви возвратилась из соседней деревни беременной. На посиделках парни и девушки сплели для нее из лыка колыбель. Это вызвало смех окружающих. Девушка выпила отраву и умерла [9, л. 6–7].

В 1817 г. светский уездный суд рассмотрел дело о найденном в кустах близ села Муратова на берегу реки Кубни мертвого младенца – дочери Катерины Федоровой. Во время щипания в кустах хмеля у Катерины начались схватки, и, промучившись три часа, она родила мертвого ребенка, и прикрыв его платком, оставила в кустах. В результате на Катерину была наложена церковная епитимья [10, л. 16–17].

В церковном праве (и католическом, и православном) практически не делалось разграничения между отказом от ребенка, абортom и применением противозачаточных средств. Все в равной степени резко осуждалось «как препятствие появления души на свет» и подвергалось почти единообразному наказанию: 7–10-летней епитимьей и земными поклонами – от 200 до 400 раз в день [11, с. 85].

На третьем съезде работников юстиции Чувашии (ЧР), состоявшемся 27 сентября – 4 октября 1925 г. в Чебоксарах, было отмечено, что «условное наказание применялось большей частью по делам о детоубийствах и самосудах, где в большинстве случаев приходится сильно считаться с местными бытовыми условиями и низким культурным уровнем деревенского населения» [12, л. 125]. На съезде подчеркивалось, что из 10 дел по убийствам 4 дела были по детоубийству, что составляет слишком большой процент по отношению количеству других преступлений. Участники съезда решили, что «объясняется это отсталостью чувашек, которые рождение ребенка в девушках считают каким-то позорным явлением и

в виду этого решаются на убийство своего ребенка, само собой разумеется, что на них сильно действует окружающая среда и условия жизни, ибо у чувашки девушка, родившая ребенка, считается “павмой”, и по их мнению, хуже этой девушки и быть не может» [12, л. 162].

В 1925 г. судебные органы Чувашии отмечали преобладание в процентном отношении дел по преступлениям против жизни и здоровья личности (59,1%), в том числе и дел по детоубийствам. Они объясняли, что «применение ст. 36 УК по делам первой категории (детоубийства) обусловливается неизжитым еще в крестьянских массах предрассудком иметь незамужней женщиной внебрачного ребенка. В целях искоренения этого предрассудка принимаются меры агитационного характера, разъясняющие ложность стыда внебрачного рождения и бессмысленность укоренившегося в деревне предрассудка» [12, л. 27].

Детоубийство в Чувашской области рассматривалось как «общее бытовое явление, особенно когда матерью собираются быть молодые девушки или ничем материально не обеспеченные вдовы». Таким преступницам при вынесении приговора почти всегда мера наказания определялась низшего предела, и применялись ст. 28, а иногда и ст. 36 УК [12, л. 43].

Особенно строго относились к детоубийству в послевоенное время. Немало женщин отсидели в тюрьмах за подобные поступки. К этому времени в народе уже таких женщин не осуждали и говорили: «Турă хушмасăр пулмась» («Без воли Божьей не получится») [F].

Осуждению также подвергалась женщина, которая вышла замуж беременной. О распущенной женщине говорили «петеленче» [1, т. 2, с. 89]. В д. Захаркино Абдулинского района Оренбургской области о девушке, забеременевшей вне брака, говорили: «мăйрака тухнă» (рог появился) или «сăмартине туса кайнă» (перед свадьбой снесла яйцо) [13, л. 179]. Пензенские чувашки говорили: «Вузпа каят» (с возом выходит замуж), «Мече/арбуз сăтса» (мяч/арбуз проглотив, выходит замуж) [A]. Термины о женщине, забеременевшей вне брака, подчеркивают телесное изменение путем появления в теле чего-то инородного, того, чего не бывает у замужней женщины. Характер этого предмета зависит от географического расположения поселений чувашей. Арбузы выращивали и употребляли в большом количестве чувашки, проживавшие только в южных областях.

Если незамужняя девушка или женщина, вышедшая замуж беременной в с. Мусирмы Урмарского района Чувашской Республики тяжело рожала, то просили назвать имя отца ребенка для того, чтобы выйти во двор и крикнуть его имя [14, л. 178]. Этот прием должен был облегчить роды.

Беременность вне брака и незаконнорожденное дитя приравнивались к «заложенным покойникам»,

умершим неестественной смертью (сарăмсăр виле: пӳкле виле). Таким женщинам приписывали способность задерживать дожди. По обычаю для прекращения засухи беременную женщину следовало облить водой. В случае засухи поливали могилы заложных покойников, беременных без брака, а также незаконнорожденных, выливали на них «сорок и одно» ведро родниковой воды. Вряд ли под этим суеверием есть какое-либо основание, кроме мистического, связывающего два понятия: беременную как символ плодородия и дождь, от которого зависит урожай. Считалось, если родится незаконнорожденный ребенок, то год будет неурожайным, поэтому не любили таких детей [G].

Внебрачные дети, не признанные отцом, оказывались в тяжелом положении. У чувашей существует множество прозвищ для таких детей. Их пренебрежительно называли «крапивник» [H]. Крапива – частый образ для обозначения внебрачных детей у разных народов. Семантика «найденности» отражается в терминах *тупӳлча* [1, т. 14, с. 145], *туприк* [1, т. 14, с. 148], *тумак* [A; I; J], *пуӳтармӳш* [J], *пуӳтарка* [K]. Причем «находить» в значении «родить» могут не только внебрачного, но и законного ребенка. Встречаются также *уйнаш* [14, Л. 133], *Чебук* (прозвище) [L]. Именование внебрачных детей распространено практически у всех чувашей. В селениях используются разные, редко повторяющиеся термины.

К внебрачным детям проявляли мало внимания. Обычно они были лишены всякого доверия народа. Таких детей в последующем не выбирали на общественные должности [15, л. 676]. В п. Такмаккаран (выселок из Зириклы Бижбулатовского района Башкортостана) незаконнорожденному сыну не давали земельной доли [16, л. 133]. О матери такого ребенка говорили, что она не родила, а нашла ребенка [1, т. 2, с. 170]. Чувашки считали, что дети, имеющие родителей, одеты и обуты, живут в чести и почёте. Собиравшиеся жениться парни подчеркивали, что они законные дети своих родителей [1, т. 2, с. 217].

Для приписывания незаконнорожденных к семейству родителям дочерей, родивших таких детей, приходилось проходить сложную процедуру оформления. Им надо было купить две гербовые марки по 60 коп., согласно 69 и 73 ст. Устава о гербовом сборе, на оплату прошения и окончательной исходящей бумаги по делу. Кроме того, они вместе с марками должны были пред-

ставить метрическое свидетельство о рождении внука, удостоверение местного полицейского управления о его личности, подписку о непринадлежности его к вредным раскольническим сектам и приговор крестьян о принятии в их среду с припискою к семейству просителя [17, л. 16–16об.].

По данным Симбирской губернии, в 1868 г. число незаконнорожденных по отношению к числу всех рождений составляло 2% [18, с. 3]. По данным Чебоксарского уезда за 1885 г., в 20 приходах было 2928 рождений, в том числе законнорожденных – 2881, незаконнорожденных – 46. Число незаконнорожденных составляло 1,2% всех рождений, т.е. один незаконнорожденный на 63 «законных» младенца [19, л. 6]. Судя по данным 1890-х гг., рождение детей вне брака было довольно распространено. В этот период по материалам 50 губерний Европейской России на 10 тыс. родившихся приходилось 263 незаконнорожденных ребенка (2,63%) [20, с. 101].

Особенно сложно выстраивалась система отношений незаконнорожденного среди сверстников и уличной детской компании. Окружающие такого ребенка дети, не осознавая последствий своих действий, высмеивали его, «приклеивая» различные ярлыки. Надо заметить, что взрослые пытались вмешаться в этот процесс и запрещали своим детям разговаривать на эту тему. Тем не менее в уличной детской среде это было неизбежно, и у рожденных вне брака детей формировался определенный комплекс неполноценности, который не все из них могли преодолеть по мере взросления.

Нежелание иметь в чувашской общине незаконнорожденных детей объяснялось тем, что в этом случае еще до родов женщина оказывалась в плохом материальном положении, что обязательно становилось предметом обсуждения на сходе с целью выработки мер поддержки ее и незаконнорожденного ребенка. Чувашки не хотели, чтобы ребенок рождался и рос без отцовского внимания, а рождение ребенка вне брака считалось аморальным поступком, свидетельствующим о невоспитанности нравственных качеств матери. Все это вместе формировало особое отношение к матери и родившемуся внебрачному ребенку: чувашская община выработала меры, сочетающие в себе осуждение и комплексную поддержку матери в содержании и воспитании ребенка.

Библиографический список

1. Ашмарин, Н.И. Словарь чувашского языка / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары, 1999.
2. Никольский, Н.В. Народная медицина у народов Поволжья / Н.В. Никольский. – М., 1915.
3. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. I. – Т. 174.
4. НА ЧГИГН. – Отд. I. – Т. 181.
5. НА ЧГИГН. – Отд. I. – Ед. хр. 174. – Инв. №500.
6. Михайлов, В.И. Обряды и обычаи чуваш / В.И. Михайлов // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1891. – Т. 28. – Вып. II.
7. Кон, И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке / И.С. Кон. – М., 2005.
8. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 202. – Оп. 2. – Д. 386.

Внебрачный ребенок в чувашской общине: морально-нравственный аспект

9. НА ЧГИГН. Т. 572. - Инв. № 7007.
10. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 129.
11. Никитина, Н.А. Традиционные представления о нарушении отношений «мать-дитя» и о нейтрализации их последствий у славян / Н.А. Никитина // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах : материалы научной конференции 19–21 февраля 2001 г. – СПб., 2001.
12. ГИА ЧР. – Ф. 202. – Оп. 2. – Д. 7313.
13. НА ЧГИГН. – Отд. III. – Ед. хр. 277. – Инв. №1974.
14. НА ЧГИГН. – Отд. I. – Т. 206. – Инв. №2662.
15. НА ЧГИГН. – Ед. хр. 277. – Инв. №1974.
16. НА ЧГИГН. – Отд. I. – Т. 177.
17. ГИА ЧР. – Ф. 44. – Оп.1. – Д. 152.
18. Статистический отчет за 1868 г. с очерком деятельности Симбирского губернского статистического комитета за 1868 год // Симбирские губернские ведомости. – 1870. – №2–25.
19. ГИА ЧР. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 607.
20. Аверьянов, К.А. Незаконнорожденные дети в до-революционной России / К.А. Аверьянов // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. : сб. ст. – М., 2006.

Информаторы

- А. Щербакова К.А., 1932 г.р.; с. Бикмурзино Неверкинского района Пензенской области.
В. Якушова Е.С., 1923 г.р., д. Яскуль Буинского района Республики Татарстан (РТ).
С. Микина Н. Н., 1935 г.р., с. Кошки-Шемяково Буинского района РТ.
D. Константинова О.А., 1934 г.р., с. Кошки-Шемяково Буинского района РТ.
Е. Константинова Е.А., 1929 г.р.; с. Шатракассы Моргаушского района Чувашской Республики (ЧР).
F. Короткова Н.И., 1935 г.р.; д. Еремкино Хвалынского района Саратовской области.
G. Федорова М.И., 1919 г.р., с. Шигали Урмарского района ЧР.
H. Васильева Л.А., 1916 г.р., с. Именево Красноармейского района ЧР; Павлова Ф.Г., 1965 г.р., д. Кожай-Семеновка Меякинского района Республики Башкортостан (РБ).
I. Баюкова Н.П.; 1932 г.р.; с. Неверкино Неверкинского района Пензенской области.
J. Буянова М.И.; 1921 г.р.; с. Илим-Гора Неверкинского района Пензенской области.
K. Сапарова В.Я., 1939 г.р.; с. Калмантай Вольского района Саратовской области
L. Софронова М.С., 1906 г.р., Пшонги Красноармейского района ЧР.